

А. И. ДЕМИДОВ

**ЛЕНИНСКАЯ
КРИТИКА
ТЕОРИЙ
СТИХИЙНОСТИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

«ВЫСШАЯ ШКОЛА»

А.И. ДЕМИДОВ

ЛЕНИНСКАЯ КРИТИКА ТЕОРИЙ СТИХИЙНОСТИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Москва
«Высшая школа»
1984

Рецензенты: кафедра философии и научного коммунизма Московского автодорожного института; доктор философских наук, профессор Е.М.Пеньков

Научный редактор – доктор философских наук, профессор П.В. Алексеев (кафедра диалектического материализма философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова)

Рекомендовано к изданию Главным управлением преподавания общественных наук Министерства высшего и среднего специального образования СССР

Демидов А.И.

Д30 Ленинская критика теорий стихийности и современность: Моногр. — М.: Высш. шк., 1984. — 88 с.

1р. 10 к.

В книге на основе марксистско-ленинской методологии анализируются взгляды теоретиков стихийности правого и "левого" толка (Ф.Фанон, Г.Маркузе, Р.Гароди и др.). Автор показывает, что важнейший социальный источник, порождающий апологию стихийности, — буржуазный индивидуализм. Ее гносеологическими корнями являются различные варианты объективизма и субъективизма, идеализм в истолковании деятельности личности и народных масс в истории. Делается вывод, что опасность теорий стихийности заключена в их явно нарастающей антикоммунистической и антисоветской направленности, в стремлении исказить практику коммунистического движения и строительства социализма.

Для преподавателей вузов.

Д 0302020200 — 370
001 (01) — 84 Свод. пл. подписных изд. 1984 г.

ББК 87.3в02
1 ФБ

"... Всякое преклонение перед стихийностью рабочего движения, всякое умаление роли "сознательного элемента", роли социал-демократии означает тем самым, — совершенно независимо от того, желает ли этого умаляющий или нет, — усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих".

Ленин В.И. Что делать? — Полн. собр. соч., т. 6, с. 38

ВВЕДЕНИЕ

Важный этап процесса создания партии нового типа, когда был сформулирован ряд важнейших политических принципов стратегии и тактики большевизма, связан с борьбой В.И.Ленина против проповедников теорий стихийности. В ходе этой борьбы, "преодолевая упорное сопротивление оппортунизма и реформизма, В.И.Ленин научно доказал необходимость подлинно революционной партии и возглавил борьбу за ее образование"¹.

Теоретическое обоснование диалектики стихийности и сознательности в общественном развитии, анализ путей и средств внесения социалистического сознания в революционное рабочее движение, принципиальный вывод о необходимости создания партии нового типа — важный вклад В.И.Ленина в практический и теоретический спор о возможности целенаправленного воздействия на ход истории.

В ряде работ, посвященных критике народничества, "легального марксизма", "экономизма", меньшевизма, анархизма, В.И.Ленин успешно развил фундаментальные для марксизма идеи о роли народных масс и личности в истории, о сущности исторических закономерностей, о диалектике социальной детерминации и свободы в деятельности людей, о значении руководства и ответственности в политической борьбе, создал целостную теорию социально-исторического творчества, ставшую основой стратегии и тактики большевистской партии. "Богатейшее идейное наследие Ленина, революционно-критический дух его учения, последовательность и твердость в защите коренных принципов марксизма от оппортунистических искажений, вся его жизнь служат неиссякаемым источником революционной мысли и революционного действия для современного международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения"².

В теориях стихийности можно встретить весьма разнородные философские и политико-социологические концепции правого и "левого" толка, способные как взаимодополнять, так и противоречить друг другу. Два основных типа теорий стихийности соответствуют двум типам проявлений стихийности в социально-политической деятельности — объективистской стихийности буржуазного либерала и стихийности субъективистской, ультрареволюционности и экстремизму мелкобуржуазного революционера³.

Первый тип теорий стихийности характеризуется абсолютизацией роли объективных условий (обычно степени развития техники, экономики), в них роль социальной деятельности низводится до непосредственного

следствия из наличных обстоятельств. Эти теории пренебрегают значением организованных, целенаправленных действий.

Теории стихийности второго типа превозносят роль человеческой воли. Они, пренебрегая объективными социальными законами, наделяют ее способностью творить социальную действительность опираясь только на самое себя. Значение объективных социальных обстоятельств в них игнорируется.

Способы истолкования социальной действительности, свойственные теориям стихийности, являются необходимой составной частью доктрин как правого, так и "левого" оппортунизма. "Правый оппортунизм сводит эту теорию к так называемой теории производительных сил, согласно которой развитие производительных сил обеспечивает смену производственных отношений без социальной революции, что в свою очередь приводило к теории трансформации капитализма в социализм, к отказу от политической борьбы. Левый оппортунизм, опираясь на теорию стихийности, толкал пролетариат на вооруженное восстание даже в тех случаях, когда оно было преждевременным и не отвечало объективным условиям"⁴.

Сущностью обоих вариантов теорий стихийности, как это было показано В.И. Лениным в работе "Что делать?", является отрицание необходимости целенаправленной политической деятельности, руководства борьбой масс со стороны политической партии. В зависимости от варианта эти теории говорят или о бессмысленности и бесполезности вмешательства в процессы, события, всецело определяемые объективными условиями, или о вреде политического руководства революционной борьбой, так как это может якобы сковать инициативу, активность народных масс. Исходя из этих доктрин, в наши дни делаются попытки доказать перерождение коммунистических партий, социалистических государств, несостоятельность ленинизма в современных условиях.

Опасность теорий стихийности, особенно современных, заключена в их явно нарастающей антикоммунистической и антисоветской направленности, в стремлении исказить реальную практику коммунистического движения и строительства социализма. Многие из сторонников этих концепций фрондируют своим нонконформистским фразерством, видимостью революционного активизма, особенно когда идет речь об их левом варианте. Аргументы, выдвигаемые ими, перекочевывают в идеологический арсенал антикоммунизма. Апология стихийности становится, таким образом, изощренным средством подрыва коммунистического и революционного движения изнутри. Это безусловно необходимо учитывать в наше время, отмеченное "небывалым за весь послевоенный период по своей интенсивности и остроте противоборством двух полярно противоположных мировоззрений, двух политических курсов — социализма и империализма"⁵.

О революционных изменениях говорят ныне многие, в том числе и реакционеры, консерваторы. Но эти явления преподносятся ими как происходящие сами по себе, без активного участия в них людей, или при этом отвергаются совершенно необходимые компоненты революционных изменений, что дезориентирует, направляет революционный процесс по ложному пути.

Важность и актуальность анализа ленинских методологических принципов критики теорий стихийности определяется тем, что именно в трудах

Ленина дана фундаментальная разработка проблемы диалектики стихийности и сознательности в общественном развитии. Это практически единодушно признают и его критики; в частности, после книги "Что делать?" стихийность и сознательность стали рассматривать именно как пару противоположностей, а сами термины даже в иностранных работах часто употребляются в русской транскрипции. Однако непонимание смысла диалектики стихийности и сознательности и ленинского отношения к ней вызывает в рядах критиков ленинизма довольно существенные разногласия в оценке самой ленинской концепции. Меньшевики в свое время обвиняли В.И.Ленина в склонности к стихийности — в проповеди максималистского анархизма, в опасном акценте на активизм и самостоятельность революционных масс⁶. В наши дни высказываются другие оценки. Так, например, американский советолог А.Мейер и французский анархист Д.Герэн объявляют Ленина безудержным сторонником централизма, враждебным всякой самостоятельности⁷; ревизионист Р.Гароди стремится доказать, что только первоначальный этап политической деятельности Ленина характеризовался враждебностью к стихийности, а в своем зрелом возрасте и особенно в последние годы своей жизни Ленин признал значение стихийности, отказался от своих ранних взглядов⁸; М.Мерло-Понти, критиковавший марксизм с экзистенциалистских позиций, считал, что ни Маркс, ни Ленин не отрицали субъективности и активности людей в социальной деятельности⁹.

Столь противоположные мнения об одной концепции заставляют задуматься о состоятельности самих мнений, их теоретических обоснований.

Работа В.И.Ленина "Что делать?", обосновывающая необходимость внесения социалистического сознания в стихийное движение рабочего класса, создания организации сознательных революционеров для осуществления руководства борьбой масс, является примером не волюнтаристского, а именно материалистического подхода к решению проблемы социальной активности масс — ведь Ленин доказывает зависимость этого процесса от материальных условий, средств обеспечения успеха этой деятельности.

Идеализм теорий стихийности выражается как раз в том, что в них игнорируются материальные условия, причины господства стихийности в обществе. Доктрины стихийности "принимают материалистическое понимание истории своим игнорированием действительной, руководящей и направляющей роли, которую могут и должны играть в истории партии, создавшие материальные условия переворота и ставшие во главе передовых классов"¹⁰.

Появление теорий стихийности знаменовало важный поворот в буржуазной социально-философской мысли, в ходе которого изменились мотивы и установки политической деятельности буржуазии, превратившейся из исторически прогрессивного класса в реакционную и консервативную силу. Магистральное направление истории с этого периода стало реализовываться в деятельности нового класса — пролетариата. В буржуазном мировоззрении начинают стойко доминировать настроения неверия в общественный прогресс, в целесообразность и эффективность сознательных действий, история рассматривается как поле разворачивания иррациональных, неподвластных разумному контролю сил.

В буржуазной социологии распространяется убеждение в принципиальной невозможности и ненужности рационального действия в истории, сфера разумности замыкается на индивиду, делается вывод, что "главной характерной чертой нашей эпохи служит именно замена сознательной деятельностью индивидов бессознательной деятельностью толпы"¹¹.

Эти идеи проникают в революционное движение, как правило, через своих ревизионистских, оппортунистических adeptов. С такого рода идеями и их проникновением в революционное движение боролись К.Маркс и Ф.Энгельс. Достаточно вспомнить их критику Б.Бауэра за противопоставление критической теории и неодухотворенной, косной массы, борьбу с прудонизмом, активно пропагандировавшим ставшую фундаментальным принципом анархизма идею неучастия в политической борьбе.

В борьбе с теориями стихийности В.И.Ленин подверг разносторонней критике уже систему этих идей, обнаживших свою политическую сущность и являвшихся важным средством борьбы буржуазии против революционного движения пролетариата и его союзников. "Своей критикой субъективизма в философии и социологии Ленин нанес решительный удар по идейным истокам политического волюнтаризма и авантюризма. Принципиальное значение имеют его выступления против концепций фатализма и стихийности как теоретической базы тактики правого оппортунизма"¹².

Но и в наше время эти теории продолжают рассматриваться буржуазией в качестве идеологического оружия, направленного против современного революционного движения. Причиной настойчивого внимания буржуазных теоретиков к теориям стихийности является то, что в них делается попытка теоретического обоснования невмешательства революционных сил в святая святых буржуазной социальной системы — в политические отношения.

Борьба против теорий стихийности остается актуальной необходимостью развития революционного движения, строительства социалистического общества. Эффективность этой борьбы в значительной степени зависит от умения обобщить и использовать богатый практический и теоретический опыт истории революционного движения, и в первую очередь уроки первой победоносной социалистической революции, опыт строительства социализма в других странах. Практическая и теоретическая деятельность Ленина — важнейшая часть этого опыта.

Ленин считал важнейшим фактором революционной деятельности сознательность, т.е. формирование четкой системы мировоззренческих принципов практического действия, превращение революционной теории в убеждения, в активную социальную позицию. Это тот фактор, который позволяет успешно бороться с влиянием теорий и настроений стихийности, еще подчас дающим себя знать и в социалистическом обществе, особенно в сфере нравственных, межличностных, социально-психологических отношений. В нашей партийной печати совершенно правильно отмечается, что в "довольно болезненно протекающем процессе борьбы старого с новым мы должны отдавать себе отчет, чтобы, не уповав на всесильное время, которое, мол, в конце концов все перемелет, по-большевистски прямо и принципиально оценивать все плюсы и минусы нашей нравственной атмосферы"¹³.

Исследование ленинской методологии критики теорий стихийности позволяет выявить некоторые основные положения, важные для борьбы с современными эпигонами этих теорий.

Во-первых, это раскрытие противоречивой сущности проблем, которые постоянно порождаются революционным движением: ведь возможность их неверной интерпретации является почвой для апологии стихийности.

Во-вторых, выяснение социально-исторических процессов, особенностей существования некоторых социальных групп, причин, вызывающих у них склонность к стихийным действиям и их теоретическому оправданию.

В-третьих, анализ историко-философских, познавательных предпосылок искаженного отражения диалектики стихийного и сознательного в социальной деятельности.

В-четвертых, выявление реальных негативных последствий тактики стихийности для всякого политического движения, где она преобладает.

С учетом этих принципов и построена данная книга. Основной ее задачей является не столько анализ конкретных теорий стихийности, значительное количество которых появилось в 60–70-е годы, особенно в период наибольшего размаха молодежного движения на Западе в конце 60-х годов, сколько выяснение самих методов рассмотрения феномена социально-политической деятельности, применяемых во внешне разнородных, даже противоречащих одна другой концепциях, доказательство, в частности, того, что в теориях стихийности новации оказываются модификацией старых ошибочных принципов, дорого обошедшихся революционному движению.

Глава 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ТЕОРИЙ СТИХИЙНОСТИ И ИХ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОМУ ПОДХОДУ

Решающее значение в формировании противоположности политических позиций марксизма и теорий стихийности имеет различие их подходов к оценке сложнейшего социального явления — процесса взаимодействия социальной детерминации и деятельности людей.

Марксистский подход к истолкованию смысла и роли сознательности и стихийности непосредственно вытекает из диалектико-материалистического понимания сущности социального детерминизма и социальной закономерности, предполагает рассмотрение проблемы сознательного выбора как существенного аспекта социальной деятельности: "Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нисколько не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю. Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя

несомненно деятелей. Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех? в чем состоят гарантии того, что эта деятельность не останется одиночным актом, тонушим в море актов противоположных¹?"

Правильное отражение диалектики стихийности и сознательности возможно лишь в социальной теории, обладающей качеством системного видения, целостной оценки социально-исторической ситуации и разворачивающейся в ней деятельности субъекта. Такой теорией является марксизм-ленинизм, смысл методологической системы которого состоит в следующем.

Во-первых, общество рассматривается как целостное единство, "как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов)..."².

Во-вторых, выделяется системообразующий элемент этой целостности — материальные общественные, производственные — отношения.

В-третьих, необходимой стороной социальной системы признается ее динамичность, что обуславливает необходимость его научного познания, а также понимание неизбежности изменения обстоятельств, появления непредвиденных факторов.

В-четвертых, учитываются уровни системной организации общества и социальной деятельности, что обуславливает многообразие проявлений диалектики стихийного и сознательного. Весьма важно и различение их как характеристик деятельности отдельных личностей и больших социальных систем. В книге "Материализм и эмпириокритицизм" В.И. Ленин доказывает нетождественность социальности и сознательности: "Из того, что люди, вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, никоим образом *не следует*, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию. Вступая в общение, люди во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях — и в особенности в капиталистической общественной формации — *не сознают* того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т.д."³.

То, что на одном уровне социальной системы действие выступает как сознательное, еще не означает, что оно не вызовет непредвиденных и неожиданных (т.е. стихийных) последствий на другом ее уровне. Поэтому основанием сознательного социального действия больших масс людей должно быть знание, с максимальной степенью глубины и точности отражающее законы социальной системы, т.е. знание научное.

В марксизме сущность явлений стихийности и сознательности и их соотношение рассматривается в неразрывной связи с изменением исторических условий. Большое значение при этом придается социальной революции, классовой борьбе, преобразованию производства — уничтожению эксплуатации, гуманизации труда как средствам, обеспечивающим сознательное существование людей. Сознательность понимается как единство научного социального знания, организованности, эмоциональной готовности к деятельности по осуществлению важнейших социальных потреб-

ностей. Таким образом, это не фактор подавления, а важнейшее условие развития активности, самостоятельности народных масс. Сознательность предполагает наличие и использование научного социального знания, но не сводится только к нему, а тем более к рационализированной технологии социального манипулирования. Она содержит в себе ценностный аспект, органически связана с потребностями и интересами классов.

В рамках метафизической методологии, свойственной теориям стихийности, неразрешимой проблемой оказывается истолкование именно специфики исторической закономерности как сущностного выражения системной организации социальной целостности, имеющей своими существенными чертами такие противоречивые характеристики, как определяющая роль объективного по отношению к субъективному, относительная независимость субъективного от объективного, способность объективного изменяться в результате воздействия сознательной деятельности людей. При этом делаются попытки чисто внешнего, механического объединения натуралистически интерпретируемой социальной закономерности и существующих в сознании индивидов идеалов, целей, ценностных ориентаций. Это оборачивается разрывом единой социальной природы на принципиально различные сферы: причинную, определяемую естественным, независимым от человека ходом событий, и телеологическую — поле свободной реализации спонтанно возникающих установок человеческого разума.

Органическое единство материальной (воплощенной прежде всего в производственной деятельности народных масс) и духовной (деятельности идеологов, руководителей, осознание социальных потребностей, постановка на этой основе целей) сторон социальной деятельности в рамках такого подхода нарушается: деятельность народных масс противопоставляется сознательности и организованности. Стихийность, рассматриваемая как аналог объективного, объявляется принципом существования народных масс, сознательность — принципом деятельности личности.

Противопоставление закономерности и нравственности, свободы, сознательности свойственно неокантианской методологии социального познания, которая, на наш взгляд, в решающей степени повлияла на формирование важнейших постулатов теорий стихийности. Как писал Г.Риккерт, "в истории развитие ведь всегда означает возникновение чего-то нового, до сих пор еще нигде не бывшего. А так как в понятие закона входит лишь то, что всегда можно рассматривать таким образом, как будто оно повторялось любое число раз, то понятие исторического развития и понятие закона взаимно исключают друг друга"⁴. Закон здесь выступает как нечто искусственно навязываемое социальной среде, модель для мысли и действия по образцу природных процессов, как натурализация истории, извращающая ее специфику. Социальное творчество, создание нового возможно только как независимое и противоположное закономерности и научной регламентации, на ней основанной. А всякая попытка основанного на научном знании вмешательства в ход течения истории рассматривается как род насилия над историей и людьми. Поэтому действия больших масс людей оцениваются как принципиально неразумные, неконтролируемые, противоречащие всякому знанию, всякой науке. Иррациональная, научно не охватываемая и необъяснимая природа массовых движений требует и особого ир-

рационального механизма влияния на них, воздействия не на разум людей, а на их психику.

Усвоенные оппортунизмом (на тяготение к неокантианству различных течений ревизионизма: бернштейнианства, струвизма, каутскианства — неоднократно указывал В.И. Ленин⁵), эти модели мышления и практической деятельности привели к отождествлению исторического материализма с экономическим, а по сути дела с натуралистическим детерминизмом, сводящим все многообразие факторов и способов социальной детерминации к механистически истолкованной причинности. Критикуя Э.Бернштейна, В.И. Ленин писал, что тот спутал "понятие "детерминистического" с понятием "механического", смешал свободу воли с свободой действия, отождествил без всяких оснований историческую необходимость с принудительным, безвыходным положением людей. Избитое обвинение в фатализме, которое повторяет и Бернштейн, опровергается уже самыми основными посылками исторической теории Маркса"⁶.

В марксизме признание решающего характера действия объективных, материальных условий для детерминации социальной деятельности соединяется с глубоким пониманием большого значения для развития исторических событий человеческого сознания: "сознательность участвует в этом взаимодействии и в этом определении"⁷. Важным компонентом социальной деятельности и ее детерминации является момент выбора, совершаемого субъектом действия на основе определенных ценностных предпочтений и ориентаций, возникающих под воздействием объективных условий. Естественно поэтому, что органической частью марксистского понимания соотношения стихийности и сознательности является проблема ответственности. Связь ответственности с сознательностью отрицается в старых и новых теориях стихийности. Феномен сознательности рассматривается в рамках неокантианско-идеалистической традиции как точное знание, непреодолимо враждебное стихийности (спонтанности), т.е. внутренним мотивам социального действия. Сознательное действие сводится к рационализированной технике манипуляции людьми по типу производственной технологии. Однако действительная диалектика стихийности и сознательности непосредственно связана с ответственностью, с ее ростом. В подлинно свободном сознательном действии человек острее и масштабнее сознает границы своих действий. Ответственная и свободная социальная деятельность, связанная с высшими типами сознательности, основывается на теоретическом осознании исторической необходимости.

Стихийность обусловлена объективной ограниченностью уровня социального познания и практики, уровня развития общественных отношений или имеет субъективные причины. Последнее происходит при приоритете частных интересов над интересами большого уровня общности, при узких границах ответственности. Стихийные явления могут быть результатом прямой безответственности, игнорирования связи и взаимозависимости собственных действий и их последствий с окружающей социальной и природной средой, что характерно, например, для действий монополий, хищнически эксплуатирующих не только людей, но и природные ресурсы, способствующих возникновению и обострению экологического кризиса в капиталистических странах. Единство свободы, ответственности и сознательности до-

стигается не в результате нарушения детерминаций внешних объективных обстоятельств, а вследствие учета их закономерностей.

Диалектическое единство объективно заданной общей направленности исторических событий и участия в ее реализации интересов и целей требует от революционной политической идеологии органического, неразрывного единства научности, критичности и революционности. Включение ценностных моментов в социальную теорию, политическое сознание обусловлено процессом преобразования духовного отражения в практическое действие.

Такое включение ценностных ориентаций в социальную теорию оказывается возможным потому, что объектом отражения науки и реальной ценности являются объективные исторические тенденции, условия деятельности социальной группы. "Если не свести *таким образом* идеалы к фактам, то эти идеалы останутся невинными пожеланиями, без всяких шансов на принятие их массой и, следовательно, на их осуществление"⁸.

Теоретики стихийности при абсолютизации той или иной стороны социального знания исходят из открыто декларированного или скрытого дуализма в истолковании науки и ценности. Эта методологическая позиция, свойственная ряду теорий стихийности, интерпретирует ценности как фактор, искажающий теорию. Очищение науки от связи с социальными интересами рассматривается в качестве средства обеспечения теоретической глубины и объективности социального знания. "Наука, — считал К.Каутский, — стоит над этикой, ее результаты так же мало нравственны или безнравственны, как нравственна или безнравственна сама необходимость"⁹. Разрывая науку и нравственность, Каутский относил их к разным сферам социального бытия — прошлому и будущему. Нетрудно заметить, что в этом случае социальная закономерность утрачивает связь с процессами и действиями, определяющими облик и содержание будущего, а социальные идеалы и цели лишаются необходимых и материальных оснований, превращаясь в результаты автономного духовного творчества.

Известна полемика вокруг положения, выдвинутого современным французским философом Л.Альтюссером, о противоположности науки и ценности. Л.Альтюссер резко разделил идеологию и науку, считая, что идеология связана "не с истиной, а с социальным климатом, социальными отношениями"¹⁰. Поэтому он предложил к оценке науки и идеологии применять разные критерии — истинность и правильность (справедливость)¹¹.

В такого рода разделении критериев и принципов оценки нет ничего нового, и выше нами уже были показаны социально-мировоззренческие следствия этой позиции. Принцип единства научности и ценности имеет длительный период существования и активного методологического функционирования в научном и социальном творчестве. Именно с ним связано представление о гуманном назначении научной истины и научного творчества, установка на поиск объективных, научных обоснований социальных потребностей и притязаний людей. Единство этих сторон социально-рефлексивной деятельности обеспечивается в конечном счете объективной основой субъективного, в том числе ценностных моментов социальной деятельности.

Внутренним основанием единства ценностного и научного моментов

политического сознания, сознательный учет и реализация которых благотворно воздействуют и на повышение научной зрелости, отражательной способности политической теории и на результативность практической деятельности, является способность сознания превращать истины науки в нормы практического действия, что тоже является проявлением нераздельности объективной действительности и характера деятельности по ее преобразованию. Это единство является существенным элементом марксистской идеологии — основы сознательности рабочего класса.

Полемика по данному вопросу не может рассматриваться как чисто академический спор. И история, и современность показывают ее большое политическое значение. Ведь речь идет о формах мотивации социального поведения людей. "Не случайно, что ревизионистская критика марксизма в Чехословакии началась именно с обсуждения вопроса о взаимосвязи науки и идеологии. Отрицание марксизма-ленинизма как научной идеологии неизбежно ведет к отрицанию марксистско-ленинской теории как единственно научного революционного учения"¹².

Существо ленинского понимания политической идеологии заключается в том, что здесь реализуется глубоко понятая необходимость ее научности, наличия в ней всех необходимых атрибутов научного знания — объективности, ориентации на последовательный учет законов истории, системности принципов. Современная политическая идеология органически связана с классовыми интересами, учитывает необходимые потребности рабочего класса, магистральный путь развития которого соответствует линии исторического прогресса. Чрезвычайно ценная способность марксистской политической теории быть верным ориентиром классовой борьбы, взаимосвязь теории и практики политической деятельности обуславливают их взаимное обогащение. Так, В.И. Ленин неоднократно отмечал, что "революция мудрая, грудная и сложная наука..."¹³, она способна учить, давать уроки социального, классового опыта.

Чтобы теория отражала практику, "марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности*, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни"¹⁴. Связь политической деятельности с практикой дает возможность научной социальной теории верно отражать динамику общественной жизни. "Практическое участие в политике и связанная с ним необходимость борьбы с фаталистическими и механическими интерпретациями исторического материализма, составляющими теоретическую базу реформизма и прагматизма многих европейских лидеров социал-демократических партий, побуждали Ленина по-новому осмыслить такие вопросы, как значение сознательной деятельности людей, идеологии и различных форм политической борьбы в ходе исторического процесса, взаимосвязь революционной теории и революционной практики в развитии рабочего движения; взаимозависимость экономики и политики и т.п."¹⁵.

Именно связь с практикой политической борьбы повышает значение точности научного, теоретического знания, необходимости критической самооценки как важной внутренней характеристики развития политической науки — ведь "наши теоретические и особенно тактические разногла-

сия постоянно превращаются в ходе революции в самые непосредственные практические разногласия"¹⁶. Доктринерское знание, существующее лишь в границах собственных умозрительных принципов, оказывается неспособным осуществлять эффективное политическое предвидение, служить основанием деятельности по длительному, перспективному руководству массовой борьбой. Поэтому "мы всегда осуждали и как марксисты обязаны осуждать тактику живущего "со дня на день". Нам недостаточно минутных успехов. Нам недостаточно и вообще расчетов на минуту или на день. Мы должны постоянно проверять себя, *изучая* цепь политических событий в их целом, их причиной связи, их результатах. Анализируя ошибки вчерашнего дня, мы тем самым учимся избегать ошибок сегодня и завтра"¹⁷.

Ориентация на преобразование целостной и непрерывно изменяющейся окружающей действительности требует формирования таких же качеств и у самой революционной деятельности и научной политической теории. Этим, в частности, обусловлена враждебность марксизма всем видам умозрительного схематизма и догматизма, необходимость постоянного изучения опыта революционной борьбы, его научного анализа и глубокого понимания значения правильно избранной философской позиции для политического деятеля. Ведь "спор о том, что такое философский материализм, почему ошибочны, чем опасны и реакционны уклонения от него, *всегда* связан "живой реальной связью" с "марксистским общественно-политическим течением" — иначе это последнее было бы не марксистским, не общественно-политическим и не течением"¹⁸.

Из понимания практического значения научной политической теории следует чрезвычайно важный в марксизме принцип конкретности социального анализа, который прежде всего выражается в умении представить отдельный факт или этап изменения объективной действительности в связи и во взаимодействии с системой других фактов и процессов. Это помогает в любой ситуации видеть перспективу ее изменения, предвидеть отдаленные последствия определенного политического решения или действия. Именно в процессе учета изменений и требований живой действительности происходит соединение теории и практики. "Они органически соединяются в конкретном анализе конкретной ситуации, раскрывающем положение, динамику, потенциальные возможности социально-классовых и политических сил. Доктринерский подход упрощает этот механизм, игнорирует систему взаимодействия. В результате на одном полюсе оказывается мертвая в своей абстрактности доктрина, а на другом — политический прагматизм, лишенный внутренней объективной логики и перспективных целей; с одной стороны — перечень общих закономерностей, с другой — расплывающееся многообразие конкретных условий реальной общественной среды"¹⁹.

Источниками социально-политической ориентации могут быть как чисто субъективные, не имеющие достаточных оснований цели (типа народнических утопических идеалов), так и идеалы, имеющие своим объективно-историческим основанием потребности и интересы определенного общественного класса, особенно класса, находящегося на магистральном направлении общественного развития. Поэтому важнейшим принципом процесса формирования единства научной теории и социальной деятельности является принцип пролетарской партийности. Ни один принцип марк-

систской теории не подвергается буржуазными идеологами и ревизионистами таким ожесточенным нападкам, как партийность. Он часто представляется неким средством тотального контроля политического руководства за состоянием умов, силой, навязывающей определенный, выгодный этой группе кодекс поведения и мышления людей.

В противовес принципу партийности буржуазные и ревизионистские теоретики выдвигают принцип плюрализма, непосредственно связанный с концепцией стихийности. В этом случае стимулами политического поведения объявляются прагматические установки, которые есть не что иное, как сиюминутная непосредственная, по сути своей стихийная реакция на складывающиеся в определенный момент обстоятельства деятельности. Несостоятельность этой позиции прекрасно разоблачил В.И. Ленин, который писал: "...кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя "натывать" на эти общие вопросы. А натывать слепо на них в каждом частном случае значит обрекать свою политику на худшие шатания и беспринципность"²⁰. Современные ревизионисты мотивируют значение этого принципа тем, что именно он способен обеспечить действительную широту движения, выразить все многообразие интересов и ориентаций его участников. Такого рода аргументацию В.И. Ленин называл ходячей точкой зрения вульгарного "революционаризма": "...идейное объединение, с точки зрения этих мудрецов политиканства, предполагает некоторую безыдейность (конечно, прикрытую более или менее искусно избитыми формулами о широте взглядов, о важности единства во что бы то ни стало и немедленно и т.д. и т.п.)"²¹.

Как показывает исторический опыт, идейный плюрализм оборачивается плюрализмом организационным, столкновением различных политических ориентаций, превращающих революционную боевую организацию в неспособный к действию дискуссионный клуб.

Методологической позицией, наиболее отвечающей волюнтаристскому духу стихийности, установкам политического плюрализма, является эклектизм, характеризующийся стремлением к чисто механическому соединению зачастую противоположных принципов оценки социальных явлений. Такое понимание многообразия, не сводимого к реальной целостности (а ею может быть только единство материальных производственных отношений), не выходит поэтому за рамки идеалистической интерпретации истории и политики. "Но зато именно эклектика, — отмечает Б.А. Чагин, — создает возможность вырывать отдельные факты, подменять одни конкретно-исторические условия другими, произвольно истолковывать явления, абсолютизировать отдельные стороны и тенденции их"²².

Эклектизм в политике и теории может быть сознательно выраженной методологической позицией, как, например, у теоретика "легального марксизма" П.Б. Струве, объявлявшем: "Я не боюсь быть "диким" и брать то, что мне нужно, и у Канта, и у Фихте, и у Маркса, и у Брентано, и у Родбертуса, и у Бем-Баверка, и у Лассаля"²³, или следствием исторически сложившихся обстоятельств духовного развития определенной социальной общности. Как образ мышления он соответствует социальной позиции слоев, наиболее склонных к стихийности, самым своим общественным по-

ложением ориентирующихся на импульсивную, неустойчивую линию социального и политического поведения. Прежде всего это характерно для мелкой буржуазии.

Теоретическая и практическая деятельность В.И.Ленина всегда была направлена на борьбу с эклектикой, на утверждение господства материалистического монизма в революционном мировоззрении. Нарушение мировоззренческой целостности оказывается губительным для революционного социалистического движения, ведет к его дезориентации. К этому же ведет одностороннее, фрагментарное усвоение даже верной, научной идеологии. В.И.Ленин, характеризуя оппортунистические шатания в социалистическом движении начала XX века, писал: "Чрезвычайно широкие слои тех классов, которые не могут миновать марксизма при формулировке своих задач, усвоили себе марксизм в предыдущую эпоху крайне односторонние, уродливо, затвердив те или иные "лозунги", те или иные ответы на тактические вопросы и не поняв марксистских критериев этих ответов"²⁴.

Для многих современных теорий стихийности также характерно стремление использовать некоторые марксистские понятия, положения. Так, например, "большинство американских интеллектуалов склонны оценивать американскую действительность в терминах марксистских категорий, рассматривать события в терминах классов и революции"²⁵. Однако осуществляется это без усвоения фундаментальных положений марксизма, его теории классовой борьбы, социалистической революции и диктатуры пролетариата. Так появляется своеобразный "семантический марксизм", служащий лишь внешней оболочкой чисто буржуазного типа сознания и отношения к действительности.

Мировоззренческая беспринципность, сама ставшая принципом, неумение дать последовательное, монистическое объяснение, целостную характеристику социальной жизни позволяет уживаться в рамках одного движения самым противоречивым типам политического поведения. Вполне понятно, что движение, руководствующееся эклектической программой, не способно выработать последовательную тактику достижения поставленной цели. Видный деятель СДПГ Виктор Агартц, оценивая Годесбергскую программу этой партии, писал, что она "не дает политического ориентира по объективным проблемам нашего времени, не ставит также никаких объективных задач в политике. В проекте отсутствует разработка теории осуществления социализма... По всем крайне важным вопросам проект бросает рабочих на произвол судьбы"²⁶. Как правило, такие программы активно используются реакционными силами как средство дезориентации социальной активности масс, направление ее на достижение целей, противоположных их объективным потребностям, т.е. порождают общественную стихийность. Лозунги с чрезвычайно абстрактным (а следовательно, дающим возможность самых вольных и даже противоположных толкований) содержанием превращаются в словесные "пустые" символы. Они становятся орудием, которое активно используют ревизионисты, антикоммунисты для подчинения массовых движений своему влиянию, противопоставлению их коммунистическим партиям.

Чехословацкий публицист В.Бейда приводит пример подобного искажения смысла январских событий в КПЧ в 1968 г. "Январь" стал понятием с

очень широким содержанием. Силы, чуждые социализму, оперируя "январем", добивались непризнания законов, насаждали в обществе анархию, очерняли, подрывали и исключали основное условие успешного продвижения вперед по социалистическому пути — руководящую роль партии"²⁷.

Важнейшим средством построения эклектической концепции, создающей видимость определенного единства между принципиально не связанными элементами знания, является софистика. Она выражается в намеренном искажении подлинного смысла используемых понятий, в нарушении действительной логики их связи. Теоретики стихийности софистическими приемами произвольно оперируют понятиями и принципами, искусственно их сужая или расширяя, подменяя значение и смысл и т.п. Понятия из средства отражения и познания противоречивой и изменяющейся реальности превращаются в средства выражения отношения автора к этой реальности. При этом гипертрофируется оценочный момент социального знания в ущерб научному.

Софистическое искажение понятия сознательности состоит в сужении этого термина до значения точного, жесткого предписания не только независимого, но прямо противоположного интересам, настроениям участников революционного процесса. При толковании понятия стихийности политические софисты намеренно игнорируют одну из сторон этого социального феномена — его связь с отчаянием, апатией, с отсутствием понимания возможности и путей выхода из угнетенного положения. Наряду с этим абсолютизируется такой аспект некоторых стихийных явлений и действий, как раскованность, ненаправленность социальной деятельности. В современных теориях стихийности любой тип сознательного руководства софистически уподобляется грубому и опасному для человека технократическому рационализму, взаимодействие стихийности и сознательности представляется как соотношение взаимоисключающих сторон, как антагонистических, а не взаимодополняющих друг друга противоположностей. Организованность рассматривается в качестве централизованной, иерархической системы манипулирования людьми, средства неуклонного проведения в жизнь решений руководителей, никак не связанных с потребностями самих участников движения. Взамен этих софистически извращенно истолкованных принципов предлагается все тот же плюрализм.

Но как показывает практика рабочего движения, последствия деятельности, ориентирующейся на реализацию противоположных целей, разрушительны. Вполне закономерна поэтому ставка на доктрину политического плюрализма и методологические средства его обеспечения реакционных классов, которые рассматривают его в качестве орудия подрыва коммунистического и рабочего движения. Многочисленные идеологические диверсии империализма, совершаемые в социалистических странах, также теоретически опираются на доктрину плюрализма. Его непосредственное следствие — стихийность — выгодна силам, ориентирующимся на буржуазный образ жизни, сущностью которого является импульсивность, неконтролируемость действия, пренебрежение общими социальными интересами в угоду узкогрупповым или индивидуальным потребностям. Это свойство делает политический плюрализм формой буржуазной партийности.